

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

O R I E N T A L I A

**Institute of Oriental Manuscripts
Russian Academy of Sciences**

**Российская академия наук
Институт восточных рукописей**

I. V. Kulganek

И. В. Кульганек

**MONGOLIAN
FOLK POETRY:**

**МОНГОЛЬСКИЙ
ПОЭТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР:**

**STUDY, COLLECTIONS,
POETICS**

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ,
КОЛЛЕКЦИИ, ПОЭТИКА**

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2010**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2010**

УДК 46.4
ББК ШЗ(54Мо)-61

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»*

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН*

Рецензенты:
доктор филол. наук *С. Л. Невелева*; канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Научный редактор:
доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*

Кульганек И. В. Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 240 с. (Серия «*Orientalia*»).

Настоящая монография посвящена малым жанрам монгольского поэтического фольклора, среди лирических и обрядовых произведений которого есть песни, гимны, молитвы, поучения, славословия, благодарения, благопожелания, проклятия, возвания, просьбы, обращения, так называемые «слова, сказанные по случаю», «слова-игры», баллады, заговоры, приветствия, поучения, скороговорки, наставления, проклятия, угрозы, причитания. В данной работе впервые подняты вопросы о воплощении художественной мысли монгольского народа в образной конкретности; системно проанализированы формальные и содержательные элементы произведений.

В центре исследования стоят такие важные для поэтики монгольского фольклора вопросы, как художественно-структурные особенности поэтического фольклора: поэтический язык и художественные приемы. Основное внимание уделяется аспектам, присущим поэтике в более широком ее толковании: генезису и функционированию поэтических жанров, коннотации их с исторической действительностью в разные исторические этапы, формированию поэтического канона.

Автор прослеживает историю изучения монгольского фольклора отечественными, западными и монгольскими учеными. Определенное место отведено российской коллекции, содержащей монгольский фольклор, — Рукописному фонду и Архиву востоковедов Института восточных рукописей РАН.

В качестве приложения даны образцы монгольского поэтического фольклора, указатель встречающихся в работе имен собственных, глоссарий монгольских слов, перечень рукописей и ксилографов Рукописного фонда и Архива востоковедов ИВР РАН, содержащих монгольскую народную поэзию и относящиеся к ней материалы.

Издание рассчитано на филологов-востоковедов и всех интересующихся фольклором и литературой народов Востока.

ISBN 978-5-65803-413-1

© И. В. Кульганек, 2010
© Институт восточных рукописей РАН, 2010
© «Петербургское Востоковедение», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Монгольский поэтический фольклор имеет непреходящее значение в трансляции традиционной культуры монгольского общества с древности до настоящего времени. Это определяет широкое распространение и актуальность до настоящего времени различных его форм и видов. Являясь отражением традиционного мировоззрения, произведения поэтического фольклора представляют собой основу передачи образов национальной картины мира, духовных ценностей, служат ориентиром этического поведения монгольского этноса, хранителем его эстетических идеалов. Отражая мировоззрение народа, малые и крупные жанры монгольского поэтического фольклора сами активно участвуют в формировании структуры общества, в сохранении национальной идентичности, в реализации конкретных проявлений политических, идеологических и культурологических черт носителей монгольского этноса.

Монгольский поэтический фольклор не раз был предметом исследования: изучались художественные особенности, поэтический стиль, язык, структура, композиция как отдельных его жанров, так и некоторых конкретных произведений. Однако до сих пор нет специального комплексного монографического исследования, в котором системно были бы проанализированы как формальные, так и содержательные элементы малых поэтических жанров, в то время как потребность в подобном исследовании назрела. Она диктуется тем, что, во-первых, собран достаточно репрезентативный материал по малым жанрам монгольского поэтического фольклора, большая часть его увидела свет в последние десятилетия, однако не стала предметом исследования; во-вторых, проделана кропотливая работа монголоведов предшествующих поколений по сбору и осмыслению поэтического фольклора и пришло время подвергнуть ее анализу, дать оценку и определить ее место в мировой науке. С одной стороны, предшественниками (этнографами, фольклористами, мифологами, историками религии и другими) был накоплен и систематизирован огромный материал, с дру-

гой — были развиты прежние и выдвинуты новые теоретические положения в исследовании типологии фольклора в целом и малых форм в частности.

Монголоведное литературоведение располагает сейчас возможностями проведения сравнительно-сопоставительного исследования художественно-структурных особенностей малых жанров монгольского поэтического фольклора; кроме того, последние десятилетия в связи с поисками новых, часто довольно продуктивных методов литературоведческого анализа, которые предпринимаются по отношению к словесности различных этносов, в том числе монгольского, назрела необходимость высказать точку зрения на генезис, развитие, функционирование малых поэтических жанров, на их связь с литературной традицией, их место в монгольской словесности. Это позволит поставить в дальнейшем вопрос о роли и месте монгольской словесности в мировом литературном процессе. Ключевым моментом этой трудоемкой работы является исследование поэтики малых жанров монгольского поэтического фольклора.

Таким образом, актуальность темы имеет два аспекта. Общественно-политический аспект ее заключается в необходимости привлечения внимания научной общественности к жанрам, являющимся маркерами национального самосознания народа, занимающими в последние десятилетия активные позиции в конструировании идеологием всех уровней современного монгольского общества. Фольклор выступает одним из конституирующих моментов монгольского общества новой эпохи, понимаемой на всех социальных уровнях страны как время обращения к традициям, необходимым для существования независимого монгольского государства, имеющего собственные корни и культуру, частью которых и является фольклор. Таким образом, изучение малых фольклорных жанров может быть не только актуально для реконструкции поля культуры, но и тесно связано с политическими проблемами современного монгольского государства, перед которым стоят задачи интенсификации ревитализации национальных приоритетов в сознании народа. Научный аспект актуальности заключается в появившейся возможности в настоящее время исследования поэтики монгольского фольклора на современном научном уровне, на котором уже проанализирован определенный материал фольклора других мировых культур. Введение в мировое литературоведение ряда новых методик, появление фольклористических школ требуют нового осмысления такого культурного феномена общечеловеческого значения, как малые жанры монгольского поэтического фольклора. Нами сделана попытка проследить изменения, происходившие в монгольской фольклорно-поэтической традиции на протяжении более чем пяти веков, рассмотреть традицию как единый культурно-художественный комплекс, имею-

щий собственные закономерности развития и особенности функционирования.

Поэтика монгольского фольклора отражает историю и контекст художественных явлений монгольского общества на разных стадиях его развития. Ею обусловлена и определена суть национального своеобразия, эстетических критериев и приоритетов, идейной направленности и структуры художественных произведений. Поэтическим искусством определяется структурная форма, ее изменчивость под влиянием нового содержания, поэтический строй произведений, т. е. факторы, превращающие речь в факт поэзии. Вопросы поэтики — это вопросы о художественной мысли монгольского народа и ее воплощении в образной конкретности. Изучение поэтики дает представление о поэтической картине мира народа, так как в создании ее принимает участие художественная образная система языка. В настоящее время в мировом литературоведении признаны полноправными два значения этого понятия. Одно имеет широкое толкование, включающее рассмотрение более общих вопросов, связанных со словесным поэтическим феноменом. К ним относятся: поэзия, понимаемая как художественная литература (в отличие от обыденной словесности), методы отражения художественной действительности, определенные категории теории искусства, теории родов и жанров, ступени творческого процесса создания художественного произведения, связь с иными формами искусства. В более узком значении поэтика понимается как наука о совокупности компонентов художественной формы, к которым относятся структура (сюжет, композиция), стиль поэтического языка (метафоры, эпитеты, символы, иносказание, параллелизм и др.), художественные приемы (ритм, метр, рифма, аллитерация и др.).

Термин «поэтика» введенный Аристотелем в IV в. до н. э. для определения теории поэтических родов и общезстетического принципа постепенно стал обозначать часть эстетики, а значит, философии, которой она и продолжала оставаться до середины XIX в. Литературный процесс также рассматривался как философская категория, а именно как результат саморазвития личности, воспринимаемой как часть мирового духа. Поэтика к тому времени превратилась в теорию поэзии (понимаемой как художественная литература, в отличие от риторики — теории прозы, понимаемой как обыденная речь) и стала наукой о поэтических приемах и средствах художественного воздействия. С середины XIX в. возникает иная поэтика, которая направила свое внимание на историю поэтического мышления, формирование образности, на отложившиеся литературные формы, теснейшим образом связанные с обычаями, традициями, религиозными установками, мифологическими представлениями. Постепенно начала формироваться поэтика как наука о закономерных литературных явлениях, понимаемых как

«явления общественного сознания» [Фрейденберг, 1936. С. 8]. Поэтика приобрела черты историзма, получившие законченный вид в «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского, и включила в себя наравне с теорией историю литературы. Поэтическая система и художественные приемы воспринимались поэтикой XIX в. в контексте исторического анализа явлений, включая моменты их генезиса, развития и функционирования. Несомненно, это был большой шаг в развитии мировой филологической мысли. Однако историческая поэтика не могла решить ряд специфических общетеоретических литературоведческих вопросов, таких как внутренняя структура словесно-художественного образа, пути образования художественного понятия, суть поэтического мышления, влияние внутренней формы слова на его смысл. Закономерным стало появление так называемой «теоретической поэтики» с ее центральными идеями лингвистической теории художественной литературы. С начала XX в. поэтика заняла главенствующее место в науке о литературе. Российское литературоведение представляет собой развитие и углубление основных положений исторической поэтики и теоретической поэтики. Большой вклад в разработку этих двух направлений науки о словесности внесли труды В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, В. В. Виноградова, Б. Н. Путилова, Е. М. Мелетинского, М. М. Бахтина, Ю. Л. Лотмана, В. П. Аникина, Д. С. Лихачева.

В центре данной работы стоят такие важные для поэтики монгольского фольклора вопросы, как поэтический язык (металогия) и художественные приемы (мнемотехника), т. е. художественно-структурные особенности поэтического фольклора. Основное внимание уделяется аспектам, присущим поэтике в более широком ее толковании, а именно: генезису и функционированию разных поэтических жанров, коннотации с исторической действительностью в разные исторические этапы, формированию поэтического канона. Ранее большинство этих вопросов монголоведами-литературоведами обходились.

Малые поэтические жанры — термин, взятый для обозначения корпуса произведений, относящихся к лирическому роду произведений в принятой в литературоведении классификации (эпос, лирика, драма). Лирический род произведений монгольского фольклора включает два вида произведений — как собственно лирические, так и обрядовые (т. е. термин «лирический» имеет как родовой, так и видовой смысл). Количественный перевес однозначно остается на стороне обрядовых произведений, однако границы между ними размыты; явна тенденция перехода первых во вторые.

Среди лирических и обрядовых произведений имеются песни, гимны, молитвы, поучения, славословия, благодарения, благопожелания, проклятия, воззвания, просьбы, обращения, “слова, сказанные по случаю”, баллады, заговоры, причитания. Такое типовое разнообразие

объясняется тем, что в традиционном монгольском обществе большую роль играла регламентация повседневности; каждое событие в жизни человека, семьи, рода, племени освящалось обрядом, сопровождаемым словесным компонентом. Наличие большого количества обрядов вызывало активное и широкое распространение малых жанров обрядового фольклора. Лирические жанры, вызревшие постепенно из обрядовых и продолжавшие существовать параллельно с первыми, взяли на себя функцию выражения эмоционального отношения к происшедшему, столь необходимую человеку. Они также получили большое распространение в Монголии. Малые жанры монгольской народной лирики можно представить следующим образом:

1. Песни (монг. *дуу*). — исторические, лирические, героические, юмористические, сатирические, философские, религиозные, любовные. По манере исполнения и характеру мелодии они могут быть протяжными (монг. *уртын*) и быстрыми (монг. *богино*). Среди них есть как обрядовые, так и не обрядовые.

2. Славословия, хвалы, гимны, панегирики, оды, магталы (монг. *магтаал*, *цол*). Произведения этого типа звучали во время многих обрядов, связанных с жизненным циклом монгольского народа (с рождением ребенка, достижением человеком определенного возраста, со смертью, женитьбой, с перекочевками), а также во время календарных и религиозных празднеств.

3. Благопожелания (монг. *ёрөөл*) — речитативные поэтические обращения к человеку, звучавшие по различным поводам.

4. Поучения (монг. *сургаал*) — стихотворные поучения, наставления, как правило, обращенные к молодому поколению.

5. Молитвы, заклинания, чтения (монг. *тарни*, *ушилага*) исполнялись во время буддийских религиозных служб в храмах. Просьбы монаха-просителя, странствующего с трещоткой (монг. *дулдуи*).

6. Проклятия, угрозы, речитативные накликивания мучений (монг. *хараал*, *занал*, *тамлага*) — древнейшие поэтические отклики монгола на полученное от судьбы или конкретного врага зло.

7. Воззвания, призывания, испрашивания, мольбы-просьбы (монг. *дуудлага*, *даллага*, *цацал мялаалга*, *дуулал*, *залбирал*) — имеющие дошаманские корни древнейшие поэтические обращения к духам за помощью.

8. Заклинания, знахарские слова (монг. *бөө мөргөл*, *шивилэг*, *дом*, *эм дом*) — поэтические произведения шаманского происхождения, использовались в камланиях с целью получения желаемых результатов.

9. Слова по случаю, приветствия, стихи по случаю, стихи-игры, стихи-скороговорки (монг. *бэлэг дэмбэрлийн үг*, *мэндчилгээ*, *шүлэг*, *тоглоом-үг*, *жороо үг*), древние поэтические ответы на сделанное кем-то добро, преподнесенный подарок, а также слова-приветствия, присказ-

ки, произносимые в начале предпринимаемых действий, при обучении детей или свободном времяпрепровождении.

Подобное жанровое многообразие отмечено на территории всей Монголии у всех монгольских народностей (на западе — у дербетов, торгутов, урианхайцев, захачинов, олетов, мингатов; в центральных и северных районах — у халхов, сартулов, косоголов; на юге — у харачинов, чахар, ордосцев, дариганга). Для изучения поэтического фольклора нами были использованы произведения всех монгольских народностей, язык которых относится к собственно монгольскому. Бурятский и калмыцкий фольклор привлекался в той части, где он выражал черты общемонгольского. Современный фольклор не рассматривался из-за недостаточности имеющегося у нас зафиксированного материала.

При исследовании нами учитывались главные особенности монгольской народной лирики — анонимность, вариативность, поздняя фиксация, включенность лирических фрагментов в более крупные произведения. У очень незначительного количества образцов может быть установлено авторство, в большинстве случаев можно говорить, и то с долей определенной вероятности, лишь о некоторых характеристиках автора — его социальном положении, возрасте, месте проживания. Вариативность, возникающая в процессе устного бытования, т. е. исполнения и творческого восприятия, связана с особенностями феномена исполнительства, который заключается в том, что исполнители являются не только хранителями, но и творцами поэтического наследия. Каждый раз при исполнении поэтического произведения происходит его очередное воссоздание, при этом все варианты равноправны между собой. Особенно ценными являются те из них, которые имеют все структурные части и отличаются наибольшей полнотой и художественным совершенством.

Почти все фольклорные произведения были записаны не ранее XIX в. Отсутствие записей предыдущего периода создает трудности при их изучении, например, о бытовании ряда поэтических образцов приходится судить по косвенным данным, имеющимся в этнографических, исторических и археологических источниках. Иногда подобные проблемы помогает решать характерная особенность монгольского поэтического фольклора. Малые его жанры могут быть включены в виде вставок в более крупные поэтические, прозаические и прозаические произведения: героический эпос (монг. *баатарлаг тууль*), сказки (монг. *үлгэр*), агиографические сочинения (монг. *намтар*), сборники буддийских притч (монг. *цадиг*), сборники рассказов о прежних перерождениях Будды (монг. *авадан*), летописи (монг. *түүхэн зохиол, эрх товчоо*), романы (монг. *түүх, тууж, үлгэр, шастир, судар*). Такие вкрапления с момента их включения в рукопись или ксилограф полу-

чают двойную жизнь — письменную и устную, становятся принадлежностью как письменной, так и устной традициям.

При рассмотрении монгольской народной поэзии следует учитывать древность появления и долгий срок функционирования разных поэтических жанров. Это объясняет неоднородность, сложность, а иногда и противоречивость явлений, присущих им. Поэтические фрагменты первого письменного памятника «Тайной истории монголов», вошедшего в российское/советское востоковедение под названием «Сокровенного сказания монголов», говорят о высоком уровне поэтического искусства того времени. Они отражают так называемый «номадный» слой периода развития художественной культуры, который характеризуется влиянием кочевой цивилизации Центральной Азии. Именно в это время формируется большой пласт фольклорных произведений и жанров. Это песни, гимны, благопожелания, проклятия, «слова по случаю». Последовавший затем так называемый «темный период» оставил после себя единицы фольклорных текстов. Одним из наиболее ярких образцов высокого художественного уровня является «Надпись на бересте», представляющая собой песенный диалог матери и сына. Наличие таких редких находок говорит о том, что традиции народной монгольской поэзии не были прерваны. Периодом новой поэзии стало позднее Средневековье, начавшееся в XVI в. бурным проникновением буддизма в Монголию и повлекшее за собой иные литературные предпочтения на всех уровнях произведения — идейном содержании, сюжетике, стилистике, языке. Буддизм, идущий из Тибета, оказывал на народную лирику большое влияние. Тибетское, индийское, китайское влияние способствовало формированию новых и наполнению иным содержанием старых фольклорных жанров. Наиболее наглядным примером этому может служить трансформация поучений (монг. *сургаал*), гимнов (монг. *магтаал*) и «слов по случаю» (монг. *бэлэг дэмбэрлийн үгс*). Буддийский период принес новую художественную форму, развил и обогатил идейное содержание народной поэзии. В это же время зарождалась авторская поэзия, которая также влияла на поэтику народного стиха. Взаимоотношения ее с фольклором были не просты и не статичны. Параллельно с буддийской литературой продолжал существовать магический дошаманский, шаманский, профессиональный фольклор, отражавший мифологическое мировоззрение этноса и содержащий «номадный» субстрат культуры. Монгольская народная поэзия представляет собой сложное явление, имеющее большой резонанс в культуре монгольского этноса и претерпевавшее глубокие трансформации на протяжении длительного пути своего развития, поэтому оценка ее не всегда может быть однозначна и неизменна.

Определенное внимание в книге уделено коллекциям монгольского фольклора, находящимся в Рукописном фонде и Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (ранее: Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН) и являющимся наиболее ценными собраниями текстов монгольского поэтического фольклора и материалов по его изучению. В Рукописном фонде ИВР РАН нами выявлено тысячи рукописей, содержащих интересные нас тексты, в Архиве востоковедов — более сотни документов с фольклорными образцами и разнообразными записями о них.

Часть материалов имеется также в Институте русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом, Санкт-Петербург), в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера, Санкт-Петербург), Российском этнографическом музее (РЭМ, Санкт-Петербург), в Отделе письменных памятников Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ, Улан-Удэ), Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН, Элиста). Небольшие коллекции фольклорных текстов представлены в Германии и Венгрии. Данными о рукописных коллекциях в Китае мы не располагаем. Наибольшее количество фольклорных произведений находится в самой Монголии, в Институте языка и литературы Монгольской Академии наук (ИЯЛ МАН). В Секторе фольклора Института хранится более трех тысяч фольклорных произведений.

В ИВР РАН почти весь имеющийся в его распоряжении материал поступил за период с середины XIX по первую половину XX в. Незначительная часть рукописей относится к середине XVIII в. Это документы первых научных экспедиций, совершенных состоявшими на службе в Академии наук Российского государства немецкими учеными Д. Г. Мессершмидтом, П. С. Палласом и Г. Ф. Миллером, и касаются они фольклорных записей забайкальских (селенгинских) бурят. Весь остальной материал был собран российскими/советскими учеными. Большая заслуга в этом принадлежит О. М. Ковалевскому, А. Д. Рудневу, А. М. Позднееву, В. Л. Котвичу, К. Ф. Голстунскому, Б. Я. Владимирцову, Н. Очирову, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадийну, А. В. Бурдукову и др. Монгольский поэтический фольклор отражен в имеющихся каталогах монгольских рукописей Рукописного фонда ИВР РАН [Пучковский, Поппе, Сазыкин, 1988; 2001; 2003; 2004; Успенский, 1999] и в единственном каталоге монгольского фольклора Архива востоковедов ИВР РАН [Кульганек, 2000].

Коллекция Сектора фольклора ИЯЛ МАН начала формироваться в 20-е гг. XX в. — с момента создания в новой Монголии Ученого комитета. Она пополнялась за счет эпизодических экспедиций в северо-западные и центральные районы Монголии, а затем, в 50—80-е гг. ежегодные экспедиции работали на всей территории Монголии. В них

приняли участие ведущие ученые Монголии и целый ряд российских специалистов. Обрядовая и лирическая поэзия, хранящаяся в фонде Института, представлена всем своим многообразием — здесь есть игровой, шаманский, буддийско-религиозный, праздничный фольклор.

Наиболее ценными научными изданиями монгольского поэтического фольклора, осуществленными в Монголии и России, являются два выпуска из четырех, подготовленных Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Рудневым в начале XX в. [Жамцарано-Руднев, 1908; 1913], включавшие халхаский и хори-бурятский поэтический фольклор, труд Б. Я. Владимирцова [Владимирцов, 1926], где собрано 118 байтских, дербетских, мингатских, захачинских, торгутских, урянхайских песен и 17 байтских благопожеланий. Важны для изучения поэтики малых фольклорных жанров 65 халхаских, олетских, бурятских песен, изданных А. М. Позднеевым [Позднеев, 1880], семь томов из 28-томной серии «Памятники фольклора», вышедшие в Монголии, четыре выпуска из 5-ти, вышедшие в серии «Фольклор». Большое научное значение имеют издания монгольского фольклора А. Мостера, изданные в Пекине в 1937 г. [Mostaert, 1937] и Г. Рамстедта [Ramstedt, 1971]. В последние десятилетия появилось большое количество изданий в Китае (Внутренней Монголии) и в Монголии.

Мы исходим из признания поэтики как научной дисциплины, имеющей собственный предмет изучения, не растворенный в общей концепции теории литературы, а также признания того факта, что поэтика вобрала в себя соподчиненные ей области, первой из которых является собственно поэтика и стилистика, второй — изучение структуры произведения какого-либо определенного этапа исследования поэтического текста.

Между формой бытия этноса и устанавливающимися поэтически и стилистическими традициями существует реальная связь, поэтому мы принимаем понятие историзма монгольской поэтики как ключевое. Оно позволяет рассматривать произведения фольклора как созданные в определенную историческую эпоху, наделенную собственными чертами.

В данной работе нами учтен опыт предшествующего мирового литературоведения, который, как нам представляется, может быть применен к изучению поэтики монгольского поэтического фольклора. Мы считаем, что до настоящего времени продолжает оставаться действенным историко-филологический подход, разработанный А. Н. Веселовским, видевшим в истории развития фольклора и литературы единый процесс развития художественного слова. Именно этот подход позволяет решить ряд основополагающих проблем, связанных с генезисом, формированием, функционированием жанров, бытованием конкретных фольклорных форм, взаимоотношением монгольского фольклора

и литературы. Этот метод позволяет показать активную жизнь каждого жанра в процессе его бытования, обратить внимание на некоторые сложные для учета, классификации и систематизации особенности, такие как текучесть, незакрепленность, отсутствие жесткой фиксированности. Несомненно, нами учитываются достижения предшественников историко-филологической школы — как западных (Т. Бенфей, М. Мюллер, Я. Гримм), обративших внимание на сходство сюжетов в произведениях разных культур, так и российских (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, П. В. Киреевский, А. Н. Веселовский), впервые указавших на связь народного творчества и литературы, а также наработки В. В. Радлова, А. А. Шифнера, проводивших сравнения тюркских и монгольских произведений с фольклором других народов.

При анализе своеобразия технических приемов и образов, необходимых для выявления конституирующих жанровых признаков нами используется методология последователей историко-филологической школы, первые из которых пошли по пути историко-типологического изучения литературы (В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, А. М. Панченко, Д. С. Лихачев, Б. Н. Путилов), вторые — по пути структурного анализа текста (Ю. М. Лотман, Р. О. Якобсон, А. А. Потебня, Е. М. Мелетинский, В. В. Виноградов, Б. И. Ярхо).

Методологическими ориентирами для нас являются некоторые положения представителей так называемой школы структуралистов, сыгравшей большую роль в развитии литературоведения как в мире в целом, так и в нашей стране в частности. Например, значительным и ярким признаем замеченный В. Б. Шкловским прием «остранения», ценными считаем наблюдения Б. Я. Проппа о постоянстве функций персонажей, как оригинальные оцениваем взгляды на теорию поэтического языка, высказанные Ю. Н. Тыняновым, назвавшим конструктивным принципом поэзии «деформацию значения ролью звучания», интересны также введенные им понятия «единства и тесноты стихового ряда». Представляется интересной языковая природа стихотворного ритма, рассмотренная Л. И. Тимофеевым, Б. В. Томашевским и В. М. Жирмунским. Мы принимаем основные тезисы структурной поэтики о системности художественного текста, суть которой состоит в том, что художественный текст следует рассматривать как целое, несколько большее, чем сумма составляющих его частей. Особо выделяем постулат структурной поэтики о важнейших свойствах системности, главным из которых считалась иерархичность. В нашей работе мы используем метод анализа стихотворений на разных уровнях его структуры: фоники (т. е. на уровне звуков, приобретающих специфическое стихотворное поэтическое назначение — аллитерации, ассонансы, сингармонизм); метрики (т. е. стихотворных размеров, или системы стиха); строфики; лексик (метонимия, метафоры, тропы, сравнения, гипер-

болы); грамматики (игра на грамматических конструкциях, противопоставлении их или схождении); синтаксиса; семантики (т. е. смысла текста в целом). Нами применялись также точные методы исследования — статистические, математические, теории информации. Мы не отдаем предпочтение ни одной из двух позже сформировавшихся групп структуралистов — холистов (целостников) и аналитиков (дескриптивистов). Мы считаем необходимым учесть опыт мирового литературоведения, использовавшего как сравнительно-исторический, так и структурно-типологический методы исследования. Нами воспринята методология точного анализа текста школ тартуской (Ю. М. Лотман, З. Т. Минц, Б. М. Гаспаров, П. А. Руднев, И. А. Чернов) и московской (Вяч. В. Иванов, В. Н. Топоров, Б. Я. Успенский, А. М. Пятигорский), а также французской школы (К. Леви-Стросс, Р. Барт). Из французской школы мы взяли критику таких абстракций классического рационализма, как принципиальная однородность всех цивилизаций, общность их с европейской цивилизацией нового времени. В работе используется открытие К. Леви-Стросса, касающееся двух структурных уровней мифа (наблюдения и конструкты), т. е. поверхностных его структур — «вариантов» и их глубинных структур — «инвариантов», а также понятие о бинарной оппозиции, имеющей универсальное значение в понимании механизма порождения текста. Приняты положения Р. Барта, что литература — не пассивный продукт, а активное начало, по сути своей направленное на то, чтобы не дать миру застыть на месте в неподвижности, и что это одна из пружин, гарантирующая развитие самой истории. Мы считаем, что для изучения поэтики монгольских фольклорных жанров представляют интерес идеи французских постструктуралистов, таких как Ж. Бодрийар, М. Фуко, и особенно Ж. Деррида, которых привлекало осмысление всего «неструктурного» в структуре, построение новых практик чтений, приведших их к методу деконструкции, который наглядно показывал значимость внесистемных элементов, давление на текст контекста произведения.

Более всего нам близки взгляды продолжателя историко-филологической школы И. И. Толстого на фольклор как на проявление народной культуры, которые особенно четко проявились в его исследованиях в области сравнительного изучения фольклора на уровне стили и структуры произведения. Он подходил к проблеме с позиций закономерного развития форм культуры как производных от этапов общественно-исторического развития народов, когда на одинаковых его ступенях создаются сходные формы искусства, не исчезающие с приходом новых, но сохраняющиеся еще достаточно долгое время.

Из теорий ученых, работавших в русле советского литературоведения, основными посылками которого было признание за фольклором главной его черты — народности, реалистического изображения

действительности, нами приняты принципы историзма, гуманистической концепции, понимания литературы как «художественного человековедения» — в том смысле, что все в литературе выражается через изображение человека, путем возбуждения в нем человеческих чувств. Принято понимание относительности деления литературы на три рода на том основании, что они взаимно переплетаются. Нами используются достижения советских литературоведов, которые отразились в трехтомном коллективном труде «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении» (М., 1961; 1962; 1964; 1966). Нам близка одна из основных идей монографии — отрицание органической отсталости литератур народов Азии и Африки. Нами осознан также факт перелома в ориенталистике, произошедший в 60-е гг. XX в., когда был сделан шаг от филологически-описательных методов к методу теоретических обобщений, что было связано с выделением ориенталистского литературоведения как части общего литературоведения в самостоятельную отрасль. Именно в это время повышается интерес к эстетическому анализу художественных произведений и литературоведение подходит к решению проблем типологических схождения литератур Востока и Запада. Нами принимается разработанное Н. И. Конрадом понятие «культурная литературная эпоха», характеризующаяся единой типологической сущностью, проявляющейся в таких решающих признаках, как прохождение через «типы», «эпохи» своего развития и формирования. Мы считаем продуктивным сочетание фактографического и текстологического «филологизма» (М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев, М. Б. Храпченко), а также рассмотрение исторической основы идейного содержания произведения в тесной связи с эстетической характеристикой литературного явления. Нами учитываются сборники научных статей этого времени «Литература и фольклор народа Востока» (М., 1967) «Некоторые методологические вопросы восточного литературоведения» (Л., 1972), «Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока» (М., 1976) и др. Нам близки теории В. Е. Холщевникова, рассматривающего с точки зрения литературоведения (а не языкознания) стихотворную речь, которая важна для него как особый стиль речи со специфической повышенной экспрессивностью, а также его рассуждения о том, что стиль связан с жанром, поскольку жанр является категорией историко-литературной, и что различаются стихи одной и той же эпохи, но разного жанра, как и стихи одного и того же жанра, но разных эпох. Мы согласны принять его понимание термина поэтики, как «совокупности и систематизации образов», его признание наличия в произведении текста и подтекста. От В. Е. Холщевникова нами взят принцип анализа образности композиции стихотворения, позволяющий понять, какое место в поэтическом фольклорном языке занимает это стихотворение.

Таким образом, мы используем весь положительный и рациональный опыт в историко-филологическом и структурно-типологическом направлениях, надеясь, что нам удастся дать ясное представление о поэтике малых жанров монгольского поэтического фольклора — его идеях, структуре и поэтическом языке.

Изучение поэтики монгольского фольклора имеет более чем двухвековую историю и включает в себя несколько этапов, которые зависели от уровня литературоведения, отражавшего мировоззренческие установки различных научных школ, кружков, направлений и конкретных ученых. Интерес к вопросам поэтики устного монгольского народного творчества как к самостоятельному предмету исследования сформировался в России не ранее середины XIX в. До этого периода вопросы фольклора рассматривались в едином комплексе с культурно-политическими проблемами монгольских народов. Больше внимание народному творчеству монгоязычных народов было уделено так называемыми «физическими» экспедициями, которые отправляла Российская Академия наук в течение XVIII в. в районы проживания калмыков Поволжья и бурят Забайкалья. На первом этапе закономерен был несколько односторонний взгляд на поэзию монголов, он был связан с вынужденной избирательностью, продиктованной ограниченным набором произведений и исторических фактов, введенных в научный оборот.

Вначале о произведениях монгольского народного творчества судили как о произведениях незамысловатых, несамостоятельных, с явно выраженными буддийскими элементами, точно следующих реальной жизни, противоречащих западной эстетике. Высказанные мнения соответствовали теоретическому уровню исследователей, разработанности терминологии, понятийного аппарата того времени. Положительными моментами тех выводов можно считать признание за монгольскими народами существования народного поэтического творчества, связи его с бытом, условиями жизни народа, существования различающихся друг от друга вариантов произведений различных монгольских племен, а также выделение различных жанровых типов.

Второй этап изучения поэтики устного народного поэтического творчества связан с привлечением внимания мирового литературоведения к народному творчеству, становлением российской фольклористики. Начало активному целенаправленному собиранию образцов художественного творчества монгольских народов и их изучению было положено в конце первой трети XIX в., непосредственно в период возникновения научного монголоведения как самостоятельной науки. Было признано существование богатого фольклорного наследия, выражавшего собой народный «дух», обращено внимание на структуру и художественные особенности монгольского поэтического фольклора,

чередование стихов и прозы в монгольском эпосе, предприняты первые попытки перевода поэтического монгольского фольклора, были открыты новые памятники, имевшие устную традицию передачи. Несколько позже были подняты вопросы о поэтических жанрах, мастерстве рассказчиков и певцов, исполнительских школах и их связях. При изучении монгольской поэзии в XIX—начале XX в. исследовательские проблемы решались параллельно с собирательскими. Эмпирический, классифицирующий и теоретический периоды оказались слиты воедино. В начале XX в. были поставлены вопросы генезиса поэтических жанров, взаимовлияния поэзии разных монгольских этносов, различного функционирования фольклорных жанров, своеобразия структуры, художественных и языковых особенностей произведений в зависимости от регионов монголоязычного мира, особенностей бытования фольклорных жанров, связи их с жанрами иных регионов центрально-азиатского мира, роли собирателя, информанта, тематической классификации поэтических произведений, влияния на них буддизма, шаманизма, связи изображаемых событий и воспеваемых чувств с реальной действительностью, происхождения некоторых поэтических символов, поэтических воззрений монголов на природу. Ученых заинтересовали детский поэтический фольклор, мифологические персонажи, отражение древних культов в песенной поэзии, связь похоронной и свадебной обрядности с поэзией, фантастические образы, пространство, время, вещный мир, человек, общество, числовые модели в народной поэзии, коммуникативный аспект поэтического текста, особенности профессиональной лирики в устной народной монгольской традиции.

Ключевыми для дальнейшего развития теоретических взглядов ученых российской школы на поэтику монгольского народного поэтического творчества можно считать замечания Б. Я. Владимирцова о связи народности и распространенности произведения. Питаясь установить критерий «фольклорности» и отличие его от «литературности», он нашел главные признаки фольклорного произведения.

Поэтика монгольского фольклора стала изучаться в контексте общемирового фольклорного процесса; были поставлены задачи выявления параметров монгольского фольклора, общих с универсальными, определения места монгольского фольклора в мировом фольклорном процессе, изучения его специфических особенностей в контексте мировых поэтико-культурных традиций. Основным выводом этих работ было признание монгольского фольклора частью общемирового культурного наследия.

На Западе изучение поэтики монгольского фольклора шло теми же путями, что и в России: поднимались вопросы о структурном элементе монгольского стиха, параллелизме, вычленении стиха из прозы, об авторстве, устной и письменной традициях, о нотации монгольских песен, использовании старых мелодий для новых песен.

Проблема изучения монгольскими учеными поэтического творчества собственного народа неразрывно связана с расцветом филологической науки в буддийских монастырях средневековой Монголии, когда поэтика вошла в число основных преподаваемых там наук, наряду с философией, медициной, астрологией. Первые специальные работы по фольклору появились в Монголии в XX в. В них был поднят большой пласт вопросов, касающихся бытования, создания, исполнения, вариативности, синкретизма, жанровых особенностей фольклорных произведений. Монгольские ученые, изучая взаимовлияние литературы и устной поэзии, признают существование в Монголии фольклорно-литературной традиции. Однако в монгольском литературоведении существует ряд положений, не находящих поддержки в российском научном мире, например, теория, рассматривающая эпос как сказания о событиях, действительно происходивших в древности, или точка зрения на развитие фольклора и литературы как на два последовательных процесса, в которых литература возвышается над фольклором, продолжая его.

Таким образом, российские, западные и монгольские ученые в настоящее время вплотную подошли к написанию обобщающих работ по поэтике монгольской народной лирики. Работа, сделанная предшествующими учеными, подвела монголоведное литературоведение к рассмотрению монгольской лирической поэзии как выражения единства культурно-поэтической традиции, имеющего собственные особенности, касающиеся функционирования, художественной системы и структуры произведений.

Однако малые жанры монгольского поэтического фольклора не рассматривались прежде как целостный пласт монгольского фольклора; изучалась поэтика лишь отдельных жанров или конкретных произведений. В то же время именно малые жанры наглядно демонстрируют нам культурно-поэтико-структурное единство, проявляющееся в существовании некоего комплекса закономерностей, присущих ему и отличающих его от иных фольклорных и литературных единств. Необходимо изучать малые жанры монгольского поэтического фольклора как единый художественно-поэтический комплекс, обладающий собственной фольклорной традицией, нашедшей воплощение в каноне монгольской художественно-поэтической системы.

В работе показан путь формирования в научном мире представлений о монгольском поэтическом фольклоре, начиная с отрывочных сведений, доказывающих наличие музыкально-поэтического фольклора у монголоязычных народов, до появления научных теорий о различных поэтических жанрах, выявления их особенностей, рассмотрения частных поэтологических вопросов. Нами выяснены также историко-культурные предпосылки появления ряда лирических жанров, к

числу которых мы относим влияние идейных, морально-этических, эстетических предпочтений общества конкретного периода на художественную картину мира данной эпохи, на формирование художественно-поэтического канона фольклорной традиции монгольского народа. При исследовании композиционно-структурной организации произведений основное внимание обращено на построение произведения, его архитектонику, с учетом его организующего начала — идеи. Исследование поэтики монгольского фольклора малых форм как единого комплекса, обладающего собственными закономерностями, выяснение конституирующих его признаков явится дальнейшим шагом на пути изучения монгольской фольклорно-поэтической традиции, которая представляет собой значимую константу в функционировании монгольского этноса.

Работа имеет в качестве приложения тексты образцов монгольского поэтического фольклора, указатель встречающихся в работе имен, глоссарий монгольских слов, перечень рукописей и ксилографов Рукописного фонда ИВР РАН и Архива востоковедов ИВР РАН, содержащих монгольскую народную поэзию и относящиеся к ней материалы.

Приложение 3. Список рукописей, содержащих монгольский поэтический фольклор (Рукописный фонд ИВР РАН)	199
Приложение 4. Список документов, содержащих монгольский поэтический фольклор (АВ ИВР РАН)	202
Список сокращений	207
Список использованной литературы	209

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Развитие теоретических взглядов на монгольский поэтический фольклор	21
1.1. Взгляды российских исследователей на монгольский поэтический фольклор	21
1.2. Изучение поэтики монгольской народной лирики западными исследователями	37
1.3. Этапы изучения монгольского поэтического фольклора монгольскими исследователями	65
Глава II. Коллекции монгольского фольклора	84
2.1. Жанровый состав монгольского поэтического фольклора в Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН	84
2.2. Монгольский, бурятский, калмыцкий фольклор в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН	99
Глава III. Поэтика монгольской народной лирики	117
3.1. Формульность как основа канона устной монгольской народной поэзии	117
3.2. Детский фольклор	123
3.3. Отражение смеховой культуры в монгольской фольклорной традиции	142
3.4. Иносказание в монгольском поэтическом фольклоре	146
Заключение	157
Образцы монгольской народной лирики	167
Указатель имен	187
Приложение 1. Монгольские слова и термины	194
Приложение 2. Список исполнителей монгольского поэтического фольклора	197

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА КУЛЬГАНЕК

МОНГОЛЬСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, КОЛЛЕКЦИИ, ПОЭТИКА

научное издание

Редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 15.10.2010
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90^{1/16}. Объем 15 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3455

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»
founded in 1992
in 2003 was included into
«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»
Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Quran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of ‘Uthman»).

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Образовано в 1992 году
В 2003 году внесено
в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»
Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Институтом восточных рукописей РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно *в области традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Национальная Ассоциация книгоиздателей регулярно отмечает лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года». Книги издательства неоднократно награждались дипломами Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские книги года.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств (дипломы за книгу Е. А. Резвана «Коран Усмана»).

В серии «*Ориенталия*» вышла книга:

**УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН
С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ
(ТАН ЛЮЙ ШУ И)**

Введение, перевод с китайского и комментариев В. М. Рыбакова
Том I: Цзюани 1—8. СПб., 1999. 384 с.

Уголовный кодекс китайской династии Тан (618—907) принадлежит к немногочисленной группе величайших правовых памятников мировой цивилизации. Помимо того, что он является первым из дошедших до наших дней полных юридических сводов, именно в нем были сформулированы и детализированы в конкретных законах основные принципы, которые легли затем в основу китайского законодательства и стали определяющими для Китая вплоть до XX века (в опосредованном виде они проявляются и поныне). Поскольку Китай в ту пору был цивилизационным центром всей Восточной и Юго-Восточной Азии, принципы танского кодекса оказали несомненное и значительное влияние на правотворчество всех сопредельных Китаю стран.

Между тем, несмотря на повышение в мировой синологии интереса к правовой тематике, связанного и углубленного исследования текста кодекса не было предпринято до сих пор. И если узко юридический анализ его основных положений в определенной степени уже проделан, то взглянуть на текст культурологически, в цивилизационном аспекте, никто еще не пытался.

Настоящая книга предлагает читателю перевод первых восьми частей (цзюаней) Танского кодекса на русский язык. Полный перевод всего текста кодекса будет состоять из четырех томов.

В серии «*Ориенталия*» вышла книга:

УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ (ТАН ЛЮЙ ШУ И)

Введение, перевод с китайского и комментариев В. М. Рыбакова
Том 2: Цзюани 9—16. СПб., 2001. 304 с.

Вторая часть перевода на русский язык китайского Уголовного кодекса периода правления Танской династии — знаменитого «Тан люй шу и» — является продолжением содержащегося в первой части комментированного перевода и включает в себя цзюани Кодекса с девятой по шестнадцатую, а также иероглифический указатель встречающихся в данной части китайских юридических терминов и фразеологизмов.

Во вторую часть вошли третий, четвертый, пятый и шестой разделы Кодекса, соответственно: «Служебные обязанности и порядок их исполнения», «Семья и брак», «Государственные конюшни и хранилища», «Самовластные мобилизационные действия».

В третьем разделе сосредоточены уголовные предписания, посвященные регулированию рутинной деятельности бюрократического аппарата империи, его взаимодействию как с высшими, так и с подчиненными ему социальными стратами. В четвертом разделе — установления, затрагивающие вопросы землепользования и налогообложения, ведения семейного хозяйства, а также брачные законы и брачные запреты. В пятом разделе — нормы, регулирующие ведение государственного хозяйства, в частности, освещающие такой важный и интересный вопрос, как наказания материально ответственных лиц за имущественные преступления в сфере их административной ответственности. В шестом разделе собраны военные и мобилизационные законы, а также нормы наказания правонарушений, совершенных в этих двух чрезвычайно важных для государства областях.

В серии «*Ориенталия*» вышла книга:

УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ (ТАН ЛЮЙ ШУ И)

Введение, перевод с китайского и комментариев В. М. Рыбакова
Том 3: Цзюани 17—25. СПб., 2005. 384 с.

Третий том перевода на русский язык китайского уголовного кодекса периода правления Танской династии — знаменитого «Тан люй шу и» — является продолжением содержащегося в первом и втором томах комментированного перевода и включает в себя цзюани (главы) Кодекса с семнадцатой по двадцать пятую, а также иероглифический указатель встречающихся в данном томе китайских юридических терминов и фразеологизмов.

В третий том вошли разделы Кодекса седьмой — «Разбой и хищения» (цзюани 17—20), восьмой — «Драки и тяжбы» (цзюани 21—24) и девятый — «Мошенничества и подлоги» (цзюань 25). В томе сосредоточены уголовные предписания, посвященные обеспечению защиты личности во всех формах. Чрезвычайно интересна подробно рассмотренная в статьях седьмого и восьмого разделов иерархия степеней личной физической и правовой безопасности, определявшаяся многими факторами, в том числе как статационально-функциональным соотношением чужих по крови людей, так и внутрисемейной иерархией.

Раздел девятый охватывает широкий спектр возможных мошенничеств, начиная с подделок императорских Указов и завершая ложными показаниями на суде.

В серии «*Ориенталия*» вышла книга:

УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ (ТАН ЛЮЙ ШУ И)

Введение, перевод с китайского и комментарий В. М. Рыбакова
Том 2: Цзюани 26—30. СПб., 2008. 416 с.

Четвертый том перевода на русский язык китайского уголовного Кодекса периода правления династии Тан завершает многолетнюю работу по переводу и изданию в России этого колоссального по объему и значимости памятника средневековой китайской правовой мысли.

В данный том вошли последние три раздела Кодекса: «Разнородные уголовные установления», «Задержания и побег» и «Судопроизводство и тюремное содержание».

В первый из перечисленных разделов вошли статьи, весьма разнородные по своему содержанию: от наказания правонарушений, осуществленных чиновниками, следящими за порядком и законностью торговых операций на рынках до наказаний, предусмотренных за незаконные половые связи между родственниками или между лично свободными и лично зависимыми людьми.

Раздел «Задержания и побег» посвящен, главным образом, теме преследования и захвата беглых преступников, но куда более интересным представляются включенные в этот же раздел статьи, описывающие распределение ответственности за побег с места жительства, работы или службы применительно к различным группам и социальным слоям населения.

Раздел «Судопроизводство и тюремное содержание» предусматривал наказания за правонарушения и злоупотребления, совершаемые в сфере обеспечения жизни заключенных в тюрьму людей, их защиты от произвола властей, а также процедур расследования их преступлений, вынесения им приговоров и применения к ним определенных этими приговорами наказаний.

В приложение к данному тому включена, помимо иероглифических указателей, подборка наиболее значимых статей, написанных и опубликованных в разное время В. М. Рыбаковым и посвященных различным аспектам танского уголовного права.

В серии «*Ориенталия*» вышла книга:

В. М. РЫБАКОВ ТАНСКАЯ БЮРОКАРТИЯ. Часть 1: Генезис и структура

СПб., 2009. 512 с.

Монография В. М. Рыбакова «Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура» представляет собой проведенное на материале китайских источников VII—X вв. первое систематическое исследование управленческого аппарата династии Тан (618—907).

Автор показывает, как необходимость обеспечить эффективное управление экономикой страны обусловила потребность в идеологических факторах, которые ненасильственными методами ограничивали бы самоуправство и своекорыстие чиновника. Оптимальной из наличных идеологий такого рода на момент становления империи в Китае оказалось конфуцианство.

В монографии рассматриваются основные аспекты жизни служилого слоя, внутренняя динамика чиновничества, а также то, какое значение для него имели конфуцианские семейные ценности, по образцу которых государство старалось выстроить служебную этику управленцев.

В монографии описана структура административных органов и учреждений Китая времени династии Тан, а также их функции. Автором предложена оригинальная система передачи названий китайских учреждений и должностей на русский язык. В приложении дан иероглифический индекс фигурирующих в работе административных наименований танского времени.

Заказывайте в электронном магазине книжной торговли:

<http://ozon.ru>

В серии «*Ориенталия*» вышла книга:

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Т. И. СУЛТАНОВ
ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ:
ОТ ДРЕВНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

СПб., 2009: 3-е изд., исправл. и доп. 432 с. .

Работа посвящена проблемам происхождения, древней и средневековой истории кочевых народов Великой Степи, живших на огромных пространствах Евразии от бассейна Амура — на востоке и до Дуная — на западе. Основное внимание авторы уделяют возникновению и истории первых кочевых империй, в недрах которых сформировались вначале племенные союзы, а затем и народы, говорившие, в основном, на тюркских языках — Тюркским каганатам (VI—IX вв.), Караханидскому и Уйгурскому государствам в Центральной Азии, Болгарскому государству в Приазовье, тюркским народам и племенам в составе Монгольской империи: Золотой Орде, казахским жузам, Казахскому ханству и др.

Длительная история государственности у кочевников Евразии рассматривается в тесной связи с историей их соседей — Китая, Ирана, Византии и Руси. Тюркская государственность породила специфические формы религиозных верований и письменной культуры, создавших неповторимый облик древнетюркской цивилизации, истории которой в монографии уделено немало места. Впервые обсуждается на столь широком историографическом фоне сложнейшая проблема генетических связей древнетюркских народов с современными тюркоязычными нациями.

Тематика монографии хронологически охватывает историю почти двух тысячелетий: от древности до начала XVIII века. С вхождением Поволжья и Сибири в состав Московского царства история тюркских народов степной Евразии определялась иными геополитическими условиями — начался процесс их интеграции в Россию, судьбу которой им во многом предстояло разделить.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов гуманитарных ВУЗов и факультетов, а также на самый широкий круг читателей, интересующихся прошлым народов Евразии.

По сравнению с первыми двумя изданиями, вышедшими под названием «Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье», книга существенно дополнена.

В серии «*Ориенталия*» вышла книга:

И. А. АЛИМОВ
ЛЕС ЗАПИСЕЙ:
КИТАЙСКИЕ АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ
X—XIII вв.
В ОЧЕРКАХ И ПЕРЕВОДАХ

СПб., 2009. 912 с.

Данная книга — итог двадцатилетних научных изысканий в области китайских авторских сборников X—XIII вв., называемых бицзи, удивительного и своеобразного явления в традиционной письменной культуре старого Китая. Сборники бицзи, прообразы которых возникли еще в эпоху Тан (618—907), во время правления династии Сун (960—1279) стали появляться во множестве — кажется, каждый крупный сунский литератор оставил после себя такой сборник. Настоящее издание охватывает четырнадцать сборников, представляющих панораму бицзи во всем их разнообразии, и содержит переводы значительного числа фрагментов из этих сборников, сопровождаемые подробными комментариями. Переводы, составляющие основу книги, предварены краткими историческими очерками развития китайской прозы, закономерным результатом которого стало появление бицзи.

На русском языке столь масштабное издание сунских бицзи принимается впервые. Книга адресована китаеведам самого широкого профиля, а также всем, кто интересуется традиционной китайской культурой.

Заказывайте в электронном магазине книжной торговли:

<http://ozon.ru>

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Наши книги всегда в продаже в следующих магазинах:

Розница и мелкий опт:
«Университетская книга»

В Санкт-Петербурге:
Санкт-Петербург, Средний пр., д. 60 (во флигеле)
Тел.: (812) 640-08-71; e-mail: ukniga@sp.ru

Розница:

**Специализированный магазин книг по восточной тематике
«Восточная коллекция»**

Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение»
Возможность заказа книг из Санкт-Петербурга по тематическому плану и по индивидуальным заявкам
Москва, Большой Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
(м. «Смоленская», «Кропоткинская», «Парк культуры»)
Тел.: (095) 637-34-38, 637-74-90
e-mail: east_coll@hotmail.com

**Специализированный книжный магазин гуманитарного профиля
«Университетский книжный салон»**

Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение»
Возможность индивидуального заказа книг нашего издательства
Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
(м. «Василеостровская»)
Тел.: (812) 328-95-11; e-mail: 3286213@mail.ru

Электронный магазин книжной торговли:

<http://ozon.ru>